

Письма в редакцию

ТРИ ВОПРОСА РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

3 апреля 1988 г., я, как подписчик, получил № 1 журнала «Советская этнография» за 1988 г. с опубликованной в нем статьей М. В. Крюкова «Советская этнографическая наука нуждается в перестройке», в которой он берется поучать всех советских этнографов, как и в чем им следует перестраиваться.

Я не берусь быть адвокатом всех тех специалистов, выводы и работы которых подвергаются сомнению, не подкрепленному ни фактами, ни доказательствами, ни конструктивными контридеями. Это дело каждого автора. Но поскольку М. В. Крюковым допущены необоснованные обвинения в мой адрес, я не считаю себя вправе оставить его статью без ответа, и не обратить внимания редакции «Советской этнографии» на недопустимость публикации заведомо неверных с методологической и политической точек зрения материалов, порочащих честь и достоинство любого автора.

М. В. Крюков пишет, что «в недавней статье М. Н. Губогло „Преимственность и новаторство в разработке национальных проблем на этапе развитого социализма“ (СЭ, 1986, № 3) вообще не упоминается о каких-либо нерешенных проблемах развития национальных отношений в СССР» (с. 60). Мне не совсем ясно, как редакция могла опубликовать такое утверждение, если всего два года тому назад она готовила мою статью к публикации и не могла не знать, что в ней есть и чего в ней нет.

Поэтому, как это ни неловко, но позволю себе все же напомнить, что в этой статье говорилось о таких задачах вполне определенно. Например, речь шла о том, что «в современном социалистическом многонациональном государстве в процессе совместного труда в жизни более 100 наций и народностей „закономерно возникают новые задачи по совершенствованию национальных отношений“» (с. 6). «Дальнейшее ускорение социально-экономического развития страны, развития политической системы и углубление демократии, работа по повышению сознательности трудящихся, борьба с отступлениями от норм социалистического образа жизни (и это писалось до Якутских, Алма-Атинских, Прибалтийских, Карабахских событий — М. Г.) укрепление сплоченности социалистических наций и народностей, упрочение интернационального единства советского народа — все это неизбежно предъявляет все более высокие требования к уровню политической и организаторской деятельности партии» (с. 8); «Задачи совершенствования национальных отношений, укрепления братской дружбы всех наций и народностей наряду с неуклонным улучшением условий жизни и труда советских людей настоятельно требуют более полной реализации во всех сферах общественных отношений принципа социальной справедливости, сближения классов, социальных групп и слоев» (с. 9). Далее на с. 10—13 идет перечисление задач в области культуры, «языкового обеспечения», ускорения управления современными национальными процессами и т. п.

То, что перечисленных проблем не увидел М. В. Крюков — это более или менее понятно и нетрудно объяснить. Не так просто переключиться от систем родства средневековых китайцев к заинтересовавшим его нерешенным проблемам в национальных отношениях в СССР. Выход здесь тоже достаточно прост: читать и перечитывать статью до тех пор, пока не станут ясными те вопросы, которые возбудили любопытство читателя.

Гораздо труднее понять позицию редколлегии, опубликовавшей клеветнические выпады одного сотрудника Института этнографии против другого. Неужели вместе с М. В. Крюковым редколлегия именно так, путем дезинформации читателя, путем накаления страстей, понимает перестройку? Таков мой первый вопрос.

Что касается понимания сути перестройки М. В. Крюковым, то об этом можно судить по его отношению к новейшим документам КПСС, к современным документам других братских Коммунистических партий. Обвиняя советскую этнографическую науку в подмене анализа реального положения вещей в процессах консолидации и интеграции народов СССР, «показом идеализированного состояния тенденций развития», М. В. Крюков далее пишет: «Все эти годы мы не переставали высказываться, компенсируя свое нежелание изучать противоречия современного общества обильным сдобриванием своих сочинений популярными общественно-политическими лозунгами» (с. 60). И далее в качестве примера таких сочинений он называет статью М. Н. Губогло, которая состоит, по мнению М. В. Крюкова, «из бравурных славословий по поводу нашего

успешного продвижения вперед» (с. 60). М. В. Крюков уклоняется назвать хотя бы один из числа не нравившихся ему «популярных общественно-политических лозунгов», премудро спрятавшись за глухую ссылку на начальные и конечные страницы моей статьи. Однако установить, в чей адрес направлен его критический залп, легко. Из 28 ссылок на политические документы в моей статье 18 — относятся к Новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом, 6 — на произведения М. С. Горбачева, 2 — на материалы XXVI съезда КПСС, и по одной, соответственно, на выступления на XXVII съезде Первого Секретаря Дагестанского обкома КПСС М. Ю. Юсупова, и на предсъездовскую статью в «Коммунисте» (1986, № 3) Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР А. Васса.

Упомянув другую мою статью «Двуязычие у национальных меньшинств Вьетнама: факторы распространения» (Сов. этнография, 1986, № 1, с. 22—32), М. В. Крюков обвиняет меня в том, что якобы свою задачу я вижу «в комментировании документа № 53 Правительственного Совета СРВ, где изучение вьетнамского языка определено как не только право, но и долг невьетских народов Вьетнама» (с. 60). У него вызывает протест мой вывод о том, что «результаты исследования показали, что потребность знать вьетнамский язык является глубоко и всесторонне осознанным долгом граждан невьетнамской национальности» (с. 60). Мне непонятно, почему мои исследования должны были во-первых, показать обратное, и опровергать политический документ, а во-вторых, что плохого в том, что жизненные стремления национальных меньшинств адекватно выражены в официальных документах СРВ?

Что касается М. В. Крюкова, то указанное критическое отношение к документам КПСС и правительственным документам СРВ — это его личное дело, его личная позиция. В конце концов он статью подписал не как официальное лицо и соответственно всю ответственность за все написанное взял целиком на себя.

Вопрос в другом: какова в этом случае позиция редакции «Советской этнографии», головного журнала советских этнографов? Согласно ли редакции с утверждением М. В. Крюкова о том, что Программа КПСС в ее Новой редакции может быть отнесена к числу «популярных общественно-политических лозунгов»?

С отношением М. В. Крюкова к результатам исследований, проведенных сотрудниками Института этнографии связан мой второй вопрос редакции.

Считая «в высшей степени сомнительными итоги исследований о реальных потребностях невьетских народов Вьетнама знать вьетнамский язык», он по существу обвиняет несколько тысяч лиц, опрошенных *тай*, *нунг*, *тхай* и *мыонг* в том, что они давали заведомо неправильные ответы на вопросы «опросных листов», заполненных, кстати, десятками интервьюеров при участии наших вьетнамских коллег, совместно с которыми Институт этнографии АН СССР организовал и осуществил массовые опросы национальных меньшинств в СРВ в 1980—1983 гг.

М. В. Крюков имеет, конечно, право сомневаться в искренности всех информаторов, которые на самом деле своими ответами помогали проведению исследований. Хотя совсем не понятно, как с такой заданной тайной установкой сам он открыто ездит в научные командировки в СРВ изучать представителей тех самых национальных меньшинств, словам которых, как выясняется, он совсем не верит.

С указанной позицией М. В. Крюкова связан третий вопрос редакции «Советской этнографии». В каком случае редакция проявила свою принципиальность: в 1986 г., когда опубликовала в моей статье таблицу № 6 «Основные потребности в знании второго (вьетского) языка национальными меньшинствами северных провинций СРВ (по данным этносоциологического опроса в %)», в которой по итогам ответов самих национальных меньшинств СРВ было на конкретном материале показано осознание социальной значимости вьетского языка, или через два года в 1988 г., публикуя статью М. В. Крюкова, в которой искренность ответов, а заодно и результаты исследования подвергаются сомнению. И настаивает ли редакция на том, что результатам проведенных во Вьетнаме опросов верить нельзя?

Основную свою цель М. В. Крюков видит в том, чтобы ответить на вопрос «нужна ли советской этнографической науке перестройка» (СЭ, 1988, № 1, с. 56). В том, что перестройка действительно нужна, никто не сомневается. И хотя об этом писалось и говорилось не раз и не два, М. В. Крюков делает вид, что все спят и только он, проснувшись, принял решение вести всех этнографов за собой. Правда, не совсем понятно, куда он зовет идти, и какими приемами осуществлять перестройку в этнографической науке.

Приведем в заключение только один пример из полемиического арсенала М. В. Крюкова. Обращаясь к работам С. П. Толстова и А. И. Першица, М. В. Крюков резюмирует свои критические замечания следующим образом: «Трудно понять, каким образом эти два тезиса могут не противоречить друг другу» (с. 56).

Сначала запомним хорошенько не адресатов, а самую форму обращения к ним, а затем, читая эту же самую страницу статьи М. В. Крюкова, воспроизведем два его сделанные буквально одно за другим утверждения.

«Что же касается этнографии,— пишет М. В. Крюков,— то вопреки стремлению некоторых наших специалистов необоснованно расширять границы этнографического исследования, она представляет собой науку об этносах и ее специфическим предметом являются закономерности формирования, развития и трансформации этнических общностей (в отличие от общностей политических, конфессиональных и иных)» (с. 58). И тут же забыв о сказанном, М. В. Крюков утверждает нечто совсем другое: «будучи наукой об этносах и изучая этнические аспекты общественных связей на всех этапах существования человеческого общества (в том числе и на этапе первобытности),

этнограф (так в тексте — М. Г.) исследует прошлое даже в более широком хронологическом диапазоне, чем собственно историк» (с. 58).

Итак, если внимательно вдуматься в каждую дефиницию М. В. Крюкова о том, что предмет этнографических исследований в одном случае «этнические общности», а в другом — «этнические аспекты общественных связей» — одно и то же, то тогда, оставаясь на позициях элементарной логики, как понять «каким образом эти два тезиса могут не противоречить друг другу» (с. 58). Комментарии здесь, как говорится, излишни.

Я обращаюсь к редакции «Советской этнографии» с просьбой опубликовать мои вопросы в очередном номере. Думаю, что надо сначала разобраться у себя дома в затронутых проблемах, прежде чем выносить их в более широкую печать.

М. Н. Губогло

5.IV.88 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Отвечая на три вопроса М. Н. Губогло, проще всего было бы ограничиться одним тезисом: каждый исследователь имеет право на собственную точку зрения и на ее обнародование в печати, особенно в эпоху гласности. Журнал же видит свою обязанность в том, чтобы предоставить ему эту возможность. Однако мы считаем уместным ответить на вопросы М. Н. Губогло, потому что его письмо заставляет задуматься о том, какими методами мы собираемся вести перестройку в нашей науке.

В наши дни довольно часто и справедливо говорят о необходимости повышения культуры дискуссий. В известной мере это относится и к некоторым авторам, публиковавшим свои статьи и заметки на страницах нашего журнала. И все же, вероятно, не следует сейчас вспоминать обо всех случаях, когда наши авторы были недостаточно корректны по отношению к своим оппонентам. Архив журнала свидетельствует о том, что работники редакции неизменно советовали авторам освобождаться от подобных пассажей. Мы готовы признать, что это не всегда удавалось.

Обратимся, однако, к письму М. Н. Губогло, а также к его статьям и статье М. В. Крюкова. Прежде всего следует напомнить, что их разделяет дистанция в два года. За это время и научная, и публицистическая мысль, связанная с национальными проблемами в СССР, претерпела существенные изменения, приобрела значительно большую, чем прежде, остроту и целенаправленность. Все это общезвестно и не может не влиять на оценки целых статей или их отдельных страниц, написанных в еще сравнительно недавние годы.

М. Н. Губогло представляется достаточным то, что им написано о насущных вопросах национальной политики в СССР, М. В. Крюкова оно не удовлетворяет. Но едва ли это можно считать основанием для объявления с порога взглядов оппонента «заведомо неверными с методологической и политической точек зрения материалами». А заодно и «обращать внимание» редакции на недопустимость их публикации. Слишком уж легко переводится здесь научный спор в плоскость политических обвинений. Вообще письмо М. Н. Губогло пестрит словосочетаниями, которые не следовало бы употреблять в научной дискуссии. Здесь и «клеветнические выпады», и «берется научить», и «все спят, только он один проснулся» и др. Более того, М. Н. Губогло недвусмысленно дает самому М. В. Крюкову рекомендацию в дальнейшем изучать не проблемы современности, а китайские средневековые системы родства, в которых он является признанным специалистом. Право же, в этом смысле письмо М. Н. Губогло выглядит удивительно анахроничным, так сказать, доперестроечным. Нескрываемая грубость в отношении оппонента, выпады по его адресу, а главное, настойчивое нагнетание обвинений политического свойства — все это совсем не вяжется со справедливым требованием уважительно и корректно воспринимать не совпадающие с твоими собственными взгляды и оценки. И, скажем откровенно, отдаст духом минувших и не самых лучших времен истории нашей страны и нашей науки. Редакция не может считать «клеветнической» точку зрения одного из своих авторов только потому, что она вызывает неудовольствие у другого. И в публикации разных точек зрения редакция видит никак не дезинформацию и тем более не нарочитое нагнетание страстей, а нормальное условие развития научной дискуссии, без чего, как сейчас общепризнано, и сама наука — не наука. Таков наш ответ на первый вопрос.

Ответим теперь на другие Статистические выкладки М. Н. Губогло по поводу его ссылок на общественно-политические документы, конечно, не лишены интереса. Но ведь сами по себе ссылки, какими бы авторитетными они ни были, не предрешают итогов исследования. И тем более не должны служить ограждению этих итогов от научной критики. А относительно результатов опросов во Вьетнаме, следует заметить, что до сих пор многократная перепроверка данных опроса считалась нормальным условием серьезного социологического обследования, а вовсе не выражением недоверия к информантам. Да и разделяемое М. Н. Губогло понимание двуязычия как «долга», не очень согласуется с преобладающей ныне у нас точкой зрения, опирающейся, кстати, на мнение В. И. Ленина о недопустимости даже малейшего принуждения в данной области.

Мы полностью согласны с М. Н. Губогло относительно необходимости перестройки в этнографической науке. Давайте же вести эту работу серьезно, в обстановке плодотворных научных дискуссий. И в ходе таких дискуссий учиться демократии, внимательно выслушивая мнения друг друга и не претендуя на обладание истиной в последней инстанции. Ибо истина, как известно, рождается в споре.